

Шастина Елена Михайловна

"БЕРЛИНСКИЙ ТЕКСТ" В. В. НАБОКОВА И Э. КАНЕТТИ

В статье рассматривается "берлинский текст" австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905-1994) и русско-американского писателя В. В. Набокова (1899-1997). Берлин первой половины XX века как социокультурное явление, воплощающее черты "новой действительности", вписывается в систему художественно-эстетических ценностей обоих авторов, открывает дополнительные возможности для интерпретации их творчества. немецкая столица предстает в виде пространства, где реальность, становясь предельно субъективной, дает новый ракурс для восприятия автобиографических текстов Канетти и Набокова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 206-209. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Лотман Ю. М. Выход из лабиринта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvotech.com/lotman-98> (дата обращения: 16.04.2015).
5. Рум А. Р. У. Великобритания: лингвистический словарь. 3-е изд-е, стер. М.: Русский язык, 2002. 560 с.
6. Спиркин А. Г. Философия: учебник. 2-е изд-е. М.: Гардарики, 2007. 736 с.
7. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
8. Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Мн.: Пропилей, 2000. 200 с.
9. Шарова И. Н. Эволюционно-семиотические ряды в языке и культуре (на рубеже XIX-XX вв.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38). Ч. II. С. 194-198.
10. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». М.: Книжная палата, 1989. Вып. 2. 467 с.
11. Эко У. Имя розы [Электронный ресурс]. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=5821> (дата обращения: 16.04.2015).
12. Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976. 354 p.

LAWS OF SEMIOTICS IN THE NOVEL “THE NAME OF THE ROSE” BY UMBERTO ECO

Sharova Irina Nikolaevna

Novosibirsk State Technical University

ira_english_2011@mail.ru

The article considers the semiotics laws which are represented in the classical novel “The Name of the Rose” by Umberto Eco. The author gives the definition of semiotics, presenting the review of the basic notions and its laws. In novel semiotics is presented in the form of figures, imprints (tracks), the system of labyrinths, the names with symbolic meanings, signs, Zodiac signs and the mysterious name of the novel.

Key words and phrases: semiotics; semiotic laws: syntactics, semantics, pragmatics.

УДК 821.112.2

Филологические науки

В статье рассматривается «берлинский текст» австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905-1994) и русско-американского писателя В. В. Набокова (1899-1997). Берлин первой половины XX века как социокультурное явление, воплощающее черты «новой действительности», вписывается в систему художественно-эстетических ценностей обоих авторов, открывает дополнительные возможности для интерпретации их творчества. Немецкая столица предстает в виде пространства, где реальность, становясь предельно субъективной, дает новый ракурс для восприятия автобиографических текстов Канетти и Набокова.

Ключевые слова и фразы: «берлинский текст»; рецепция; поэтика; топос; мифопоэтическое пространство; автобиография.

Шастина Елена Михайловна, д. филол. н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
shastina@rambler.ru

«БЕРЛИНСКИЙ ТЕКСТ» В. В. НАБОКОВА И Э. КАНЕТТИ©

Априори, что в основе отношений двух и более культур лежит концепция диалога, разработанная М. М. Бахтиным, которая стала отправной для теории рецепции, так как «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [1, с. 373]. Естественно, что в этом вечном диалоге происходит переосмысление «старых» смыслов, которые получают «новую» жизнь. Такой точкой на карте Европы стал для Набокова и Канетти Берлин начала XX века, вступивший в диалог с художником и временем. Исследование «берлинского текста» как продукта рецепции представляется перспективным, поскольку жизнь и творчество любого большого художника неразрывны с «географическим пространством», эта связь, при всей своей очевидности, порой необъяснима. Гений места (*genius loci*) связывает тысячами явных и невидимых нитей духовные явления с материальной стороной жизни, художника – с «местом его обитания». Во все времена литература обогащается не только именами великих писателей, но также «великими городами», образ которых, с одной стороны, объективен, с другой стороны, характеризуется субъективностью, позволяющей вести речь о Петербурге Достоевского и Гоголя, Праге Кафки и Гашека, Стамбуле Байрона и Бродского, Берлине Набокова и Канетти и т.д.

«Город как культурный феномен» рассматривается в работах современных культурологов и урбанистов, исследованию специфики художественного пространства литературы посвящены фундаментальные труды отечественных литературоведов (В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачев и др.); все чаще в ракурсе исследователя попадает «город как мифопоэтическое пространство» [6] и др. «На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде, реальность,

которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии», – так написал по этому поводу П. Вайль – автор удивительных открытий, которые в одинаковой степени влияли на читательское восприятие как «гения», так и «места», пробуждали интерес к творчеству художника и особой атмосфере места [2].

У Набокова «городом души» всегда оставался Санкт-Петербург, Канетти с особой любовью писал о своем родном городе Руцуке, что расположен в низовьях Дуная, а также о Цюрихе. В юности свой вынужденный переезд из Цюриха в Германию будущий писатель расценил как «изгнание из рая» («Vertreibung aus Paradies») [13, S. 330], в этом городе он провел последние годы жизни и был погребен согласно завещанию на кладбище Флунтерн рядом с могилой Джеймса Джойса. Набоков также обрел вечный покой в Швейцарии, неподалеку от Монтрё – небольшого курортного города на берегу Женевского озера, в деревушке Кларанс.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание к «берлинскому периоду» австрийского писателя Элиаса Канетти (1905-1994) и русско-американского автора В. В. Набокова (1899-1977), поскольку очевидно, что немецкая столица, так или иначе, нашла отражение в их творчестве, что позволяет вести речь о «берлинском тексте» обоих авторов.

У Набокова «берлинский текст», по мнению С. Н. Руссовой, «корреспондирует с его “петербургским текстом”, выступающим в оппозиции “своего-чужого” в качестве характеристики чужого пространства» [8, с. 6]. Ранее автором данной статьи предпринимались попытки обнаружить некую «родственность» Канетти и Набокова, прежде всего в «поэтике гротеска» [10], в мифологизировании собственной биографии, в создании авторского мифа, а также в том, как оба автора вписались в «шахматный дискурс» XX века [11].

Не вызывает сомнений, что и в судьбе писателей возможно обнаружить некие параллели. В частности, оба были вынуждены жить в эмиграции: семья Набоковых покинула Россию в 1919 году, после того, как уже стало ясно, что вряд ли жизнь вернется в прежнее русло, с 1920 года проживала в Берлине, кроме Владимира и его брата Сергея, которые учились в Кембридже. В марте 1922 года в Берлине от пули террористов, предназначавшейся Павлу Милюкову, погиб отец Набокова (он похоронен на русском кладбище в Тегеле). Естественно, что данное событие стало для семьи не менее трагичным, чем утрата отечества. Причины эмиграции Канетти также очевидны: в марте 1938 года армия Гитлера входит в Вену. Осенью Канетти с женой эмигрирует сначала в Париж, затем – в Лондон. Оба художника создавали свои произведения на иностранном языке: на немецком языке будущий лауреат Нобелевской премии заговорил лишь на девятом году жизни; по иронии судьбы Канетти вошел в мировую литературу как австрийский писатель, хотя «венский период» длился всего несколько лет (1924-1938). «Американский период» Набокова лишь укрепил славу русскому писателю, создающему произведения на английском языке. Можно также предположить, что именно в немецкой столице могло состояться знакомство Канетти с творчеством Набокова, поскольку оба писателя практически в одно время находились в Берлине. Для Канетти по эмоциональной насыщенности незабываемыми стали три месяца (1928-1929), в течение которых он с головою окунулся в жизнь литературной богемы. Для Набокова время пребывания в Берлине растянулось на долгие пятнадцать лет (1922-1937). Возможность личного контакта также не может быть полностью исключена, хотя на сегодняшний момент нет фактографического материала, согласно которому можно было бы вести речь о «персональном влиянии».

Из сказанного следует, что рассмотрение Берлина как социокультурного явления, вписывающегося в систему художественно-эстетических ценностей исследуемых авторов, представляется перспективным, поскольку открывает дополнительные возможности для интерпретации творчества Канетти и Набокова, в первую очередь, их автобиографической прозы.

Итак, для Канетти и Набокова европейская столица первой половины XX века – лишь «временное убежище». Попав в европейскую столицу, Канетти сразу же оказался «в узловом пункте берлинской духовной жизни» [4, с. 124], «где новое и интересное было к тому же знаменитым» [Там же, с. 125]. Подробно о берлинском периоде жизни Канетти напишет во второй книге автобиографии «Факел в ухе. История жизни (1921-1931)» («Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte (1921-1931)») [13]. Автор открывает совершенно новый взгляд на жизнь европейской столицы, «где шагу нельзя ступить, чтобы не натолкнуться на знаменитость» [5, с. 175]. Естественно, что взору Канетти предстает культурная жизнь Берлина. Важнейшим топосом является литературное кафе, где в концентрированном виде находит отражение жизнь богемы. «В Берлине *все* было доступно, разрешалась любая активность; каждому, кто не боялся трудностей, не возбранялось заявить о себе. Однако сделать это было нелегко, шум вокруг стоял невообразимый, и в этом шуме и толчее ты всегда помнил: в Берлине есть много такого, что стоило увидеть и услышать. Все было позволено, запреты, недостатка в которых не было нигде, тем более в Германии, здесь теряли свою силу. Неважно, что ты прибыл из старой столицы империи, из Вены, здесь ты чувствовал себя провинциалом и до тех пор тарасил на все глаза, пока они не привыкли оставаться открытыми. В самой атмосфере было нечто пряное, едкое, нечто такое, что освежало и возбуждало. Ничего не боясь, люди набрасывались на все подряд. Ужасающая неразбериха и толкотня, изображенная на рисунках Гроса, не была преувеличением, это было естественное для Берлина состояние, новая естественность, без нее нельзя было обойтись, к ней надо было привыкнуть <...>» (*Курсив Канетти*) [Там же, с. 198].

Приведенный пассаж с описанием Берлина необходим для того, чтобы представить, как возник замысел романа «Ослепление» («Die Blendung»), принесший автору в 1981 году Нобелевскую премию. Европейская столица стала для «молодого пуританина» «благодатной» средой в том смысле, что увиденное и пережитое «уже от себя не отпускало», это, прежде всего, «те склонные к крайностям и одержимые люди», с которыми он там познакомился [4, с. 126] и был брошен в «это скопище пороков» [5, с. 175]. Идея, что мир «распался» и не может быть изображен так, как это делалось его предшественниками – «как в старых романах», «с точки зрения одного писателя» [4, с. 126], стала отправным моментом для Канетти при создании единственного романа из планируемых восьми книг «Человеческой комедии сумасшедших».

Берлин Набокова также нельзя назвать его любимым городом: Берлин так и остался для него «чуждым, чуждым и нелюбимым, еще и потому, что не был Петербургом» [8, с. 7]. На страницах автобиографии «Другие берега», где автор, впрочем, как и Канетти в своей автобиографической трилогии, мифологизирует биографию, предлагая на суд читателей версию собственной жизни, предстает его Берлин, лишенный лоска европейской столицы [7].

Немецкий журналист Т. Урбан, поставивший перед собой задачу пройти по следам Набокова в Берлине, пишет об «амбивалентном отношении» Набокова к этому городу [9, с. 120]. Берлинский период Набокова вобрал в себя самые важные события: здесь к Набокову-Сирину пришла литературная известность, были опубликованы на русском языке практически все его романы и пьесы, здесь он встретил свою будущую жену, ставшую его музой на всю жизнь (речь идет о Вере Евсеевне Слоним), здесь родился его единственный сын Дмитрий. В воспоминаниях, окидывая взором свое творчество, Набоков напишет, что действие первых его восьми романов происходит полностью или частично за «берлинскими кулисами», при этом он различает Берлин немцев и Берлин русской эмиграции [Там же, с. 115].

При описании города преобладают мрачные, тусклые тона; город погружен в сумеречность, сырость и холод усиливают впечатление от безвкусыя «берлинских туземцев», при этом осязаемы агрессивность и милитаристские настроения. С. С. Жданов, исследующий берлинский период Саши Черного, также указывает на то, что одним из элементов образа Берлина в поэзии русского поэта является цветовая характеристика. «Город маркирован серым цветом – знаком уныния, скуки, обыденности» [3, с. 79].

Набоков не без иронии подчеркивает, что за пятнадцать лет жизни в Германии он «не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка» [7, с. 251]. Рассказ о молодом немце по имени Дитрих, который коллекционировал фотографические снимки казней, является своего рода кульминацией в описании ментальности немцев, участников «гитлеровских походов и опытов» [Там же, с. 253-254].

Если для Канетти, несмотря ни на что, Берлин – центр европейской культурной жизни первой половины XX века, то для Набокова сфера культурной жизни Берлина являлась воплощением примитива и некой вторичности. Создается впечатление, что в Берлине оба автора пережили определенный «внутренний кризис», который, в свою очередь, повлиял на восприятие города. Канетти мифологизирует встречу с Исааком Бабелем, противопоставляет его тогдашней знаменитости Б. Брехту, который олицетворяет нравы Берлина. Бабель не был актером, не изображал самого себя, он не был «берлинцем», хотя ему и нравился Берлин, он был скорее «парижанином» [5, с. 191].

Для Набокова Берлин – чужбина, антипод любимого «воздушного» и «призрачного» Петербурга, который сверкает в серебристом и золотистом цвете, ассоциируется с теплотой, величием, детским смехом и праздничностью. Осознание навсегда утраченного родительского дома в экзистенциальном смысле этого слова показано через контраст с чуждой действительностью.

Берлин глазами Канетти и Набокова предстает в виде некоего пространства, где реальность предстает предельно субъективной и открывает новый ракурс для восприятия. Если Канетти и Набоков становятся понятнее благодаря Берлину, то и Берлин дополняется штрихами, позволяющими судить о времени. «Гений места» открывает новые грани для прочтения «берлинского текста» Канетти и Набокова.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1979. 412 с.
2. Вайль П. Гений места [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/genij.txt> (дата обращения: 13.11.2014).
3. Жданов С. С. Образ Берлина в поэзии Саши Черного // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. Ч. 2. № 3 (45). С. 79-84.
4. Канетти Э. Из книги: «Факел в ухе» / пер. В. Седелника // Человек нашего столетия / пер. с нем.; сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова; коммент. Р. Г. Каралашвили. М.: Прогресс, 1990. С. 173-209.
5. Канетти Э. Первая книга – «Ослепление» / пер. С. Шлапоберской // Человек нашего столетия / пер. с нем.; сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова; коммент. Р. Г. Каралашвили. М.: Прогресс, 1990. С. 119-129.
6. Михайлова А. Ю. Город в системе художественно-эстетических ценностей Э. Т. А. Гофмана – новеллиста: автореф. дисс. ... к. филол. н. Нижний Новгород, 2012. 17 с.
7. Набоков В. В. Другие берега. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 288 с.
8. Руссова С. Н. Набоковский Берлин [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/31006/15-Russova.pdf?sequence=1> (дата обращения: 13.11.2014).
9. Урбан Т. Набоков в Берлине / пер с нем. С. В. Рожновского. М.: Аграф, 2004. 240 с.
10. Шастина Е. М. Э. Канетти и В. Набоков: поэтика пародийности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8. С. 210-212.
11. Шастина Е. М. «Шахматная новелла» Элиаса Канетти // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: материалы заочной международной научно-практической конференции с международным участием (20 ноября 2014 г.): сборник научных статей. Елабуга: Издательство филиала КФУ в г. Елабуга, 2014. С. 233-236.
12. Canetti E. Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte (1921-1931). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. 348 S.
13. Canetti E. Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. 333 S.

“BERLIN TEXT” OF V. V. NABOKOV AND E. CANETTI

Shastina Elena Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
shastina@rambler.ru

The article considers the “Berlin text” by the Austrian writer, Nobel Prize laureate Elias Canetti (1905-1994) and the Russian and American writer Vladimir Nabokov (1899-1997). Berlin of the first half of the XX century as a social and cultural phenomenon embodying the features of the “new reality” fits in the artistic and aesthetic values of both authors and opens up additional possibilities for the interpretation of their creative work. The capital of Germany is presented as a space where reality becomes extremely subjective opening a new perspective for the perception of autobiographical texts of Canetti and Nabokov.

Key words and phrases: “Berlin text”; reception; poetics; topos; mythopoetic space; autobiography.

УДК 81'373

Филологические науки

Статья посвящена семантической многоплановости слова «любовь» в русском языке и русской духовной культуре. Рассматриваются основные составляющие плана содержания названной лексической единицы в русской языковой картине мира и семантическом пространстве русской лингвокультуры, выделяемые на основе анализа исторических и современных лингвистических и культурологических словарей. Основное внимание уделяется необходимости адекватного отражения смысловой двуплановости лексемы «любовь» в толковых словарях современного русского языка.

Ключевые слова и фразы: духовная культура; языковая картина мира; развитие языка; этимология; семантика слова; семантический компонент; семантизация; лексикография; лингвистический словарь.

Шевченко Ирина Сергеевна

Воронежский государственный педагогический университет
lirishechka@mail.ru

**О СЕМАНТИЧЕСКОЙ МНОГОПЛАНОВОСТИ СЛОВА «ЛЮБОВЬ»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ©**

По справедливому мнению ученых и представителей православного духовенства, понятие любви относится к числу основных понятий православного вероисповедания и категорий русского менталитета [16; 17, с. 6; 23, с. 46-48]. Именно поэтому изучение семантики слова «любовь» представляется особенно значимым для исследования лексико-семантического пространства русского языка, русской концептосферы и отечественной лингвокультуры в целом.

Известно, что слово «любовь» имеет общеславянское происхождение и в древнерусском языке использовалось для обозначения понятий *привязанность, милость* [26, с. 497]; *благосклонность, пристрастие, склонность, мир, согласие* [22, с. 87-88]. Подобное осмысление анализируемого слова определялось развитием традиций православного христианства на Руси, рассматривающего милующую и жертвенную любовь как высшую ценность духовного мира человека, как одну из главных христианских добродетелей. Ср.: «Любовь – Божественное имя, отражающее Божественное свойство, и одна из основных христианских добродетелей...» [14]; «Любовь – Одна из главных христианских добродетелей. ... *Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится...*» [17, с. 209]. Ср. также: «*Любы нбсных красоть земьных похоти омрачила еси, къ Богу любви без меры, «Не семь къ мне целовати кртъ въ правду, любовь имети и миръ»* [22, с. 87-88].

Присутствие в значении слова «любовь» семантических компонентов «высокое», «одухотворенное», «связанное с религиозно-нравственной сущностью христианства и православия» находит отражение в словаре русского языка Академии Российской 1789-1794 гг., где любовь определяется как душевная склонность, проявляющаяся в способности человека искренне радоваться благополучию и счастью ближнего. Ср.: «Любовь – склонность душевная к другому, побуждающая нас в благополучии его находить услаждение; также приверженность, прилепленность к кому или к чему. Любовь къ Богу, къ ближнему...» [18, с. 373].

Изучение научной литературы и лексикографических источников позволяет утверждать, что в процессе развития русского языка в плане содержания анализируемого слова закрепляется и сохраняется глубоко христианское понимание любви как глубокой привязанности не только к человеку, но и к Богу, а также – что представляется особенно важным – формируется особая смысловая двуплановость лексемы «любовь», свойственная большинству единиц русской духовно-нравственной лексики и предполагающая соединение в семантике словесного знака «религиозного» («духовно-нравственного») и «светского» («этико-нравственного») пластов [8; 9; 10; 11; 27].

В словарях русского языка XVIII века христианское осмысление любви включается в толкование первого, основного лексико-семантического варианта анализируемого слова, на основе которого развиваются другие,